

DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46

# Концепции экономического взаимодействия по линии Юг – Юг

**Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ**

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, врио директора  
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН),  
117997, Нахимовский пр-т, д. 51/21, Москва, Российская Федерация

E-mail: kuznetsov\_alexei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

**ЦИТИРОВАНИЕ:** Кузнецов А.В. (2019) Концепции экономического взаимодействия по линии Юг – Юг // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 12. № 3. С. 30–46. DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46

Статья поступила в редакцию 31.07.2019.

**ФИНАНСИРОВАНИЕ:** Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда №17-78-20216 «Обострение конкуренции российских и китайских компаний на Африканском континенте: предпосылки, современное состояние и перспективы», реализуемого в ИМЭМО РАН.

**АННОТАЦИЯ.** В работе прослеживается эволюция концептуальных подходов к экономическому взаимодействию по линии Юг – Юг. Показано, что с распадом биполярной системы и нарастанием процессов глобализации интерес к сотрудничеству стран глобального Юга вновь возрос, причем по сравнению с 1950–1970-ми годами больше внимания уделяется именно мирохозяйственным связям развивающихся государств. Вместе с тем в статье показывается, что углубление дифференциации стран глобального Юга не позволяет рассматривать диалог по линии Юг – Юг как однозначно трактуемый процесс. По мнению автора, это набор очень разных по уровню взаимодействия отношений развивающихся стран, являющихся частью более фундаментального процесса трансформации существующего «западоцентричного» миропорядка. В работе выделено четыре таких уровня, характери-

зующихся весьма разными возможностями для участвующих в экономических связях стран: отношения крупнейших стран друг с другом (прежде всего в рамках БРИКС, а также группы IBSA); взаимодействие крупнейших стран с остальными развивающимися государствами (наиболее известно сотрудничество в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь»); интенсивные контакты стран глобального Юга благодаря объективно существующему эффекту соседства (самые известные интеграционные группировки – АСЕАН в Юго-Восточной Азии и Меркосур в Латинской Америке); трансграничные связи небольших развивающихся государств, территориально удаленных друг от друга. В работе сделан вывод, что взаимодействие по линии Юг – Юг не может быть полноценной альтернативой другим мирохозяйственным связям, так как страны глобального Севера доминируют во многих сферах и ча-

*и все-таки предлагают взаимовыгодное сотрудничество развивающимся государствам, так что отгораживание от глобального Севера сродни автаркии. Контакты по линии Юг – Юг следует рассматривать прежде всего как способ развития дополнительных форматов взаимодействия, отличных от доминирующих в современном миропорядке, установленном главным образом с учетом мнения нескольких ведущих экономических держав, поэтому корректнее говорить о сотрудничестве по линии Юг – не-Запад, относя к последнему среднеразвитые страны, не способные выстроить союзнические отношения с США или ключевыми странами ЕС (например, Россию).*

**КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:** *международные экономические отношения, взаимодействие по линии Юг – Юг, система мирового хозяйства, освободившиеся страны, незападный мир, БРИКС*

Интенсификация экономического взаимодействия по линии Юг – Юг с целью трансформации всей системы мирового хозяйства с доминированием в ней стран Севера («золотого миллиарда») в последние годы стала очень популярной темой. Ей посвящены многочисленные статьи ученых, в том числе ряд обзорно-концептуальных работ [Jules, de sa e Silva 2008; Renzio, Seifert 2014; Chaturvdi 2016; Gray, Gills 2016; Muhr 2016]. Однако нельзя забывать, что дискуссиям о способности освободившихся стран занять достойное место в международных экономических отношениях с помощью развития контактов не столько с бывшими метрополиями, сколько друг с другом, уже более полувека.

Безусловно, в нынешних условиях тема пересмотра сложившегося миропорядка благодаря ускоренному усилению связей стран глобального Юга

друг с другом (по сравнению с их контактами по линии Север – Юг) приобретает новые оттенки. Например, среди самых развитых стран исчезло противостояние капиталистическим государствам Запада социалистическому лагерю, а крупнейшая страна последнего – Россия – нередко готова себя позиционировать как особого участника контактов по линии Юг – Юг, нежели по линии Север – Юг (в частности, в формате БРИКС). Сами развивающиеся страны показали сильную дифференциацию в темпах роста ВВП в долгосрочном периоде и общем характере социально-экономического развития [Эльянов 2012]. Лишь несколькими получившим независимость после Второй мировой войны государствам удалось успешно реализовать модель «догоняющего развития» (прежде всего Республике Корея и Сингапуру). Вместе с тем большинство стран Третьего мира так и не смогли преодолеть значительную часть проблем, связанных с незавершенной модернизацией экономики и общества в целом. Не говоря о том, что у ученых возникает все больше вопросов, какими путями можно в принципе успешно реализовать проекты модернизации [Володин 2003]. При этом экономические связи по линии Юг – Юг приобретают новые черты в связи с резким возрастанием хозяйственного и политического веса самых крупных развивающихся государств, прежде всего Китая.

Иначе говоря, моделей взаимодействия по линии Юг – Юг становится много. В частности, контакты участников «Группы 20» (G20) из числа развивающихся стран, БРИКС или ИБСА (IBSA, Индия – Бразилия – ЮАР) действительно могут хотя бы отчасти считаться успешным средством трансформации мировой экономики по линии Юг – Юг (см., например [Vieira, Alden 2011; Галищева 2011]). Напротив, свя-

зи небольших азиатских, африканских или латиноамериканских стран с Китаем в рамках его инициативы «Один пояс, один путь» нередко создают «младшим партнерам» сложностей даже больше, чем традиционные контакты по линии Север – Юг (см., например, [Костюнина, Баронов 2019]). Своей спецификой характеризуются связи по линии Юг – Юг и у таких гигантов, как Индия (например, [Брагина 2017]) или Бразилия (в частности, [Павлова 2017]).

### Эволюция подходов к взаимодействию по линии Юг – Юг

Идея важности опоры на сотрудничество по линии Юг – Юг на официальном уровне была впервые обозначена в 1955 г. на Бандунгской конференции. В дальнейшем немалую роль названная тема играла в дискуссиях в Движении неприсоединения (хотя политические аспекты часто преобладали над экономическими). В рамках ООН диалог по линии Юг – Юг активно поддерживался в «Группе 77», а ЮНКТАД стала, по сути, ключевой международной организацией, обеспечивающей аналитическое сопровождение этой темы (самый свежий большой доклад выпущен в 2018 г. [Forging a Path Beyond Borders 2018]). Тем не менее идея нового международного экономического порядка, часто лежащая в основе обсуждения взаимодействия по линии Юг – Юг, претерпела за более чем полвека серьезные трансформации. Более того, после краха социалистического лагеря и распада СССР интерес к теме сотрудничества внутри глобального Юга в 1990-е гг. сильно падал, возродившись лишь в XXI в. на фоне кризиса попыток построить устраивающий большинство стран однополюсный миропо-

рядок с доминированием США или даже в целом так называемого коллективного Запада. Примечательно, что одной из немногих стран Севера, которая в последние годы демонстративно не ассоциирует себя со странами Запада, является Россия, выступающая правопреемницей СССР.

Параллельно анализ взаимодействия по линии Юг – Юг постепенно смещался от политики к экономике, что было обусловлено пусть и неравномерным, но быстрым разрастанием процессов глобализации. Не случайно в 1990-е гг. ЮНКТАД перестала быть организацией, выступающей в системе ООН своеобразным оппонентом МВФ и Всемирного банка, переключившись на аналитическое сопровождение достижения долгосрочных целей развития человечества (так называемых Целей в области устойчивого развития, заменивших собой Цели развития тысячелетия).

Тем не менее политологических исследований взаимодействия по линии Юг – Юг по-прежнему больше, чем работ, содержащих сколько-нибудь серьезный экономический анализ. Более того, некоторые экономические публикации, сфокусированные на развитии и модернизации стран глобального Юга, столь подвержены марксистской и неомарксистской идеологии, что их тоже разумнее относить к политологическим исследованиям. Хотя нельзя не признать, что иногда соответствующие подходы имеют и конкретный практический выход, наглядно иллюстрирующий специфику взаимодействия по линии Юг – Юг. Примером служат помощь в развитии в рамках «деколониализации образовательных систем» современных национальных учебных программ и отправка педагогических кадров с Кубы или из Бразилии в экономически отсталые страны [Jules, de sá e Silva 2008].

Необходимо также подчеркнуть, что само по себе частое обращение экспертов и политиков к теме взаимодействия по линии Юг – Юг объективно преследует цель добиться модификации нового миропорядка за счет трансформации сложившейся системы «глобального управления», т.е. господства Запада над «остальными», в более сложную конструкцию, учитывающую интересы основной части человечества.

### Трансформация внешнеэкономических связей глобального Юга

Хотя нередко в развивающихся странах глобализацию обвиняли во многих бедах, считая ее чуть ли не средством неокOLONиализма через господство в экономике отсталых государств иностранных ТНК, именно на рубеже веков развитые страны потеряли монополию в процессах экспорта прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Наиболее успешные развивающиеся страны стали центрами локализации головных штаб-квартир собственных ТНК, которые наращивали экспорт капитала опережающими темпами по сравнению с ТНК из стран глобального Севера. Если в течение 1990 г., по данным ЮНКТАД, 94,6% экспортированных ПИИ (из общего объема 0,24 трлн долл.) происходили из развитых стран, а в 2000 г. 92,1% (из 1,16 трлн долл.), то в 2008 г. показатель снизился уже до 80,3% (из 1,7 трлн долл.), а в 2018 г. составил лишь 55,1% (из 1,01 трлн долл.)<sup>1</sup>. В целом в накопленных на конец года экспортирован-

ных ПИИ доля развитых стран (к которым ЮНКТАД относит 28 членов ЕС и еще 10 стран Европы и Северной Америки, а также Австралию, Новую Зеландию, Японию и Израиль) сократилась с 93,8% в конце 1990 г. до 74,4% в конце 2018 г.<sup>2</sup> По итогам 2018 г. среди ведущих нефинансовых ТНК мира по величине зарубежных активов был десяток ТНК из стран глобального Юга, в том числе гонконгская «CK Hutchison Holding» занимала 13-е место, тайваньская «Hon Hai Precision Industries» – 31-е, южнокорейская «Samsung Electronics» – 39-е, а китайская «China COSCO Shipping Corp.» – 40-е<sup>3</sup>.

При этом многие формирующиеся ТНК из развивающихся стран, испытывая сложности в прямой конкурентной борьбе с мировыми бизнес-грандами, предпочитали наращивать инвестиционную экспансию в других странах глобального Юга, о специфике ведения бизнеса в которых они нередко очень хорошо осведомлены, а их относительно дешевая и простая в использовании продукция более востребована. Один из показательных примеров демонстрирует Таиланд, в экономике которого к началу 2018 г., по данным МВФ, было накоплено почти 224 млрд долл. Из 20 ведущих стран – источников капиталовложений в этой стране Юго-Восточной Азии к глобальному Югу относились 9 государств, на которые пришлось 37,2% ПИИ (прежде всего на Сингапур и Гонконг, но выделялись также материковый Китай, Республика Корея и остров Тайвань). Подобные иллюстрации есть не только в Азии, но и в Латинской Америке и Аф-

1 Annex Table 2. FDI Outflows, by Region and Economy, 1990–2018 // UNCTAD // [https://unctad.org/Sections/dite\\_dir/docs/WIR2019/WIR19\\_tab02.xlsx](https://unctad.org/Sections/dite_dir/docs/WIR2019/WIR19_tab02.xlsx), дата обращения 30.06.2019.

2 Annex table 4. FDI Outward Stock, by Region and Economy, 1990–2018 // UNCTAD // [https://unctad.org/Sections/dite\\_dir/docs/WIR2019/WIR19\\_tab04.xlsx](https://unctad.org/Sections/dite_dir/docs/WIR2019/WIR19_tab04.xlsx), дата обращения 30.06.2019.

3 Annex Table 19. The World's top 100 Non-financial MNEs, Ranked by Foreign Assets, 2018 // UNCTAD // [https://unctad.org/Sections/dite\\_dir/docs/WIR2019/WIR19\\_tab19.xlsx](https://unctad.org/Sections/dite_dir/docs/WIR2019/WIR19_tab19.xlsx), дата обращения 30.06.2019.

рике. Так, в Аргентине к началу 2018 г. было накоплено свыше 80 млрд долл. ПИИ; из 20 ведущих стран – источников капиталовложений к глобальному Югу относились 7 государств, на которые пришлось 21,6% (прежде всего на Бразилию, Чили, Уругвай и Мексику). В Нигерии, где было накоплено более 78 млрд долл. ПИИ, вообще из 20 ведущих стран – источников капиталовложений к глобальному Югу относились 13 государств, на которые пришлось 45,3%<sup>4</sup>.

Помимо прямых инвестиций резко интенсифицировались в последние пару десятилетий и другие формы трансграничного движения капитала между странами глобального Юга. Наиболее известны китайские кредиты многим развивающимся странам, однако ими этот процесс не ограничивается. При этом движение капитала тесно сопряжено с внешней торговлей, а взаимным торговым связям развивающихся стран способствует в современных условиях развитие многочисленных интеграционных группировок. В немалой степени замыканию ряда торговых связей в пределах глобального Юга способствует тот факт, что ТНК из ведущих стран перенесли значительную часть промышленных предприятий в развивающиеся государства (т.е. внешняя торговля по линии Юг – Юг может представлять собой поставки с заводов, принадлежащих ТНК и базирующихся в странах глобального Севера).

Усиление взаимных торговых связей стран глобального Юга, по-видимому, будет продолжаться, что приведет к новым трансформациям в мировом хозяйстве в ближайшие десятилетия. Так,

по данным ВТО, если в 1993 г. на развитые страны приходилось около 75% товарного экспорта, то к 2018 г. уже меньше 60%<sup>5</sup>, что вполне может привести к доминированию развивающихся стран в товарной торговле уже через 10–15 лет. При этом ведущий экспортер товаров – Китай (его доля в мировом экспорте в 2018 г. составила 12,8%) – не ориентирован лишь на Запад. Так, в двадцатку импортеров китайской продукции входят 12 стран глобального Юга и Россия, на которые приходится 39% экспорта, тогда как на США, Японию, три наиболее значимые страны ЕС, Австралию и Канаду – только 37%. У шестого по значению в мире экспортера товаров – Южной Кореи – в первой десятке импортеров кроме США и Японии только представители глобального Юга, причем на эти 8 стран приходится 54%, тогда как на две крупнейшие страны Запада – 17%. Постепенно усиливаются взаимные торговые связи не только внутри Азии, но и между Азией и Латинской Америкой<sup>6</sup>. Похожие процессы, хотя пока не столь впечатляющие, идут и в мировой торговле услугами, где в десятку стран-лидеров по экспорту уже входят Китай, Индия и Сингапур.

На фоне изменений в мировой экономике драматизм в отношениях по линии Юг – Юг никуда не исчез. Элиты многих развивающихся стран и раньше, и сейчас не способны предложить адекватные программы модернизации собственных государств, но их представители успешно обогащаются на неравноправных трансграничных экономических связях, а потом встраиваются в западный социум (вплоть до эмигра-

4 Table 6-i: Inward Direct Investment Positions by All Reporting Economies Cross-classified by Counterpart Economies, as of end-2017 // IMF // <http://data.imf.org/regular.aspx?key=61227426>, дата обращения 30.06.2019.

5 World Trade Statistical Review (2019) // WTO // [https://www.wto.org/english/res\\_e/estat/e/wts2019\\_e/wts2019\\_e.pdf](https://www.wto.org/english/res_e/estat/e/wts2019_e/wts2019_e.pdf), дата обращения 30.06.2019, p. 98.

6 См. базу данных ИТС (<https://www.trademap.org/tradestat/>), дата обращения 30.06.2019).

ции потомков в страны ЕС и США). Однако если полвека назад речь шла прежде всего о консервации сырьевой специализации в отношениях с бывшими метрополиями, то сейчас более актуальными являются проблемы так называемого социального и экологического демпинга, когда формально высокие темпы экономического роста многих стран Юга идут в ущерб благополучию будущих поколений. При этом эксперты отмечают оживленные дискуссии о самой природе интенсификации взаимодействия по линии Юг – Юг [Gray, Gills 2016]. Является ли это первыми шагами по пересмотру глобального миропорядка, приведет ли это лишь к косметическим изменениям регулирования международных экономических отношений или вообще ничего не изменится, кроме места нескольких наиболее успешных развивающихся стран в иерархической структуре глобальной экономики и мировой политики?

### Современная специфика экономических связей по линии Юг – Юг

В последнее время к диалогу по линии Юг – Юг вновь приковано пристальное внимание в мире. Эксперты не только из развитых, но и из развивающихся стран выпускают серьезные исследования (для примера назовем хотя бы [Modi 2011]). Создаются самые разные институциональные форматы для углубления экономического сотрудничества развивающихся стран. Достаточно сказать, что с 2012 г. действует специальное Управление ООН по сотрудничеству Юг – Юг (United Nations Office for South-South Cooperation).

Правда, идея создания такого органа была обозначена еще в 1972 г. для действия технической кооперации развивающихся стран. В 1974 г. соответствующее подразделение было создано в рамках Программы развития ООН, где просуществовало до 2012 г., будучи переименованным в 2004 г. в Специальную группу по сотрудничеству Юг – Юг (Special Unit for South-South Cooperation). С 2004 г. ООН даже отмечает ежегодно День сотрудничества Юг – Юг. Весной 2019 г. прошла Вторая конференция ООН на высоком уровне по сотрудничеству Юг – Юг, приуроченная к 40-летию принятия (в 1978 г.) в Буэнос-Айресе Плана действий по развитию и осуществлению технического сотрудничества между развивающимися странами (ВАРА+40)<sup>7</sup>.

Вместе с тем следует признать, что за несколько десятилетий массив развивающихся стран стал еще более диверсифицированным. Более того, как показал известный индийский экономист Д. Найяр, современный этап глобализации ведет к экономической дивергенции таким же образом, как предыдущий масштабный период интернационализации на рубеже XIX–XX вв. привел к обострению разрывов в уровне экономического развития отдельных стран. Оттеснение целых групп менее развитых стран на периферию мирового хозяйства, по-видимому, становится фундаментальной исторической закономерностью, характерной для периодов ускорения интернационализации экономики. Среди государств глобального Юга в числе выигравших оказывается меньше двадцати стран, в основном в Латинской Америке и Азии. Растущая либерализация внешнеэкономических связей ведет к росту эко-

7 United Nations Office for South-South Cooperation // <https://www.unsouthsouth.org/about/about-unossc/>, дата обращения 30.06.2019.



номической взаимозависимости стран, но она в большинстве случаев является асимметричной по характеру [Nayyar 2006], в чем при желании можно даже усмотреть расцвет неокOLONиализма.

Правда, следует особо подчеркнуть, что далеко не все ученые разделяют пессимистичный взгляд на возрождение колониализма в новых формах. Показательна статья известного ученого Ф. Черу про успешность стратегии Эфиопии в выстраивании, насколько это возможно, политически равноправных отношений с Китаем и Индией при очевидной опоре на их хозяйственный потенциал в своем экономическом развитии [Cheru 2016]. Попутно заметим, что официальная позиция Китая относительно сотрудничества по линии Юг – Юг как раз исходит из стремления к полному равноправию партнеров. Можно привести высказывание Председателя КНР Си Цзиньпина на одном из круглых столов, посвященных взаимодействию стран глобального Юга, о позиции Китая: «Мы придерживаемся позиции “дружба превыше выгоды”, рассматриваем развитие других стран как свой шанс, не гонимся за максимальной выгодой и избегаем игры с нулевой суммой. Мы намерены добиваться взаимодополняемости с другими странами, совместно осваивать международные рынки, полностью влиться в международную индустриальную цепочку и занять выгодные позиции в новой научно-технической революции и модернизации промышленности»<sup>8</sup>.

В результате в экономических отношениях по линии Юг – Юг, на наш взгляд, можно выделить по меньшей мере четыре разных уровня взаимодействия, характеризующихся различны-

ми возможностями для участвующих в экономических связях стран:

1. отношения крупнейших стран друг с другом (прежде всего в рамках БРИКС, а также созданной Индией, Бразилией и ЮАР группы IBSA, но к этому уровню можно отнести и связи других развивающихся стран из числа «Группы двадцати», G20) – хотя, по многим оценкам, речь идет скорее о соперничестве, нежели о кооперации гигантов развивающегося мира;
2. взаимодействие крупнейших стран с остальными развивающимися государствами (наиболее известно сотрудничество в рамках китайской инициативы «Один пояс, один путь», однако Бразилия и ряд других наиболее успешных развивающихся стран также реализуют стратегические программы внешнеэкономической экспансии);
3. интенсивные контакты стран глобального Юга благодаря объективно существующему эффекту соседства (самые известные интеграционные группировки – АСЕАН в Юго-Восточной Азии и Меркосур в Латинской Америке, однако количество региональных инициатив весьма велико, причем успех даже в ограниченных областях можно считать проявлением диалога по линии Юг – Юг: так, иллюстрациями служат валютные союзы стран Карибского бассейна, Западной и Центральной Африки);
4. трансграничные связи небольших развивающихся государств, территориально удаленных друг от

8 Си Цзиньпин подчеркнул важность сотрудничества Юг – Юг // Синьхуа. 26 сентября 2015 // [http://russian.news.cn/2015-09/27/c\\_134664523.htm](http://russian.news.cn/2015-09/27/c_134664523.htm), дата обращения 30.06.2019.

друга (эти контакты в наибольшей степени могли бы не только свидетельствовать о развитии альтернативных доминированию глобального Севера экономических связей, но и позволить находить действительно подходящих экономических партнеров с учетом всей специфики, присущей странам Юга).

Отдельного внимания заслуживает сотрудничество Индии, Бразилии и ЮАР (группа IBSA), которое, в отличие от БРИКС и «Группы двадцати», в чистом виде является форматом взаимодействия крупных стран глобального Юга. При этом, как полагают некоторые эксперты, претензии этой тройки стран на особое место в диалоге по линии Юг – Юг зависят от успеха их попыток развивать региональную интеграцию вокруг себя соответственно в Южной Азии, Южной Америке и Южной Африке [Vieira, Alden 2011]. Иначе говоря, имеет место сочетание первого и третьего выделенных нами уровней.

При этом основными направлениями взаимодействия по линии Юг – Юг, которые должны, в конечном счете, обеспечить ускоренное развитие стран Юга по сравнению с моделями международных экономических отношений, диктуемых странами Севера, являются внешняя торговля, трансграничные потоки капитала, включая прямые иностранные инвестиции, и трансфер технологий. Вместе с тем взаимодействие развивающихся стран не может, как это показали все последние десятилетия, подменить их экономические связи с развитыми странами: диалог по

линии Юг – Юг может использоваться лишь как дополнение в тех нишах, где он более эффективен по сравнению с контактами, которые выстраиваются по линии Север – Юг [Forging a Path Beyond Borders 2018].

С точки зрения развития внешней торговли наиболее масштабным проявлением связей по линии Юг – Юг является рост спроса на сырье из многих африканских и других богатых ресурсами государств со стороны Китая и иных динамично развивающихся стран Тихоокеанской Азии. При этом большие колебания мировых цен на сырьевые товары по-прежнему оказывают сильное негативное воздействие на развитие многих стран глобального Юга (причем на положение как экспортеров, так и импортеров – это со всей наглядностью показала ситуация с ценами на продовольствие в канун событий Арабской весны<sup>9</sup>). Интенсификация внешнеторговых сырьевых потоков без участия высокоразвитых стран пока мало влияет на нестабильность цен. Другое дело, что правительства развивающихся государств имеют возможность перенимать лучшие практики адаптации сильно зависящих от экспортно-импортных сырьевых поставок стран к колебаниям мировой конъюнктуры (в частности, это делается при поддержке ЮНКТАД).

Куда важнее оказываются экономические связи по линии Юг – Юг в области внешнего долгового финансирования и прямых капиталовложений. Ведь в последние десятилетия усилилось политическое давление на ряд развивающихся стран со стороны ведущих кредиторов и прямых инвесторов из го-

9 Связь между засухой 2011 г. на востоке Китая, последовавшим ростом спроса на пшеницу на мировых рынках и резким скачком внутренних цен на хлеб в Египте (крупном импортере зерна) накануне «Арабской весны» наглядно показана в [Sternberg 2012]. При этом социальный взрыв был обусловлен многими факторами, но продовольственные цены стали спусковым механизмом.



сударств глобального Севера. В таких условиях надежной заменой в области внешнего финансирования становятся ресурсы из Китая и некоторых других развивающихся стран (см., например: [Amanor 2013]). Правда, сугубо прагматичный подход китайских или бразильских инвесторов и кредиторов к экономическим контактам с политически нестабильными, к тому же нередко сильно коррумпированными странами не всегда обеспечивает благоприятную картину. Иногда инвесторов из развивающихся стран обвиняют в пренебрежении экологическими, социальными и иными стандартами, что в долгосрочном плане негативно сказывается на развитии реципиентов капитала по линии Юг – Юг.

Важным инструментом привлечения столь необходимых для развития внешних капиталовложений в страны, мало привлекательные для ТНК из развитых государств, становятся региональные банки развития. Нередко в качестве участников-доноров там присутствуют и представители глобального Севера, хотя все больше активизируются арабские нефтяные монархии и Китай. Однако, например, наименее развитые страны в Африке (а их в списке ООН 33 из 47 государств) заинтересованы в ПИИ из Китая не только из-за возможности привлечь иностранный капитал в условиях плохого инвестиционного климата, но и из-за иных моделей инвестиционной экспансии, практикуемых китайскими компаниями по сравнению с западными ТНК. В частности, китайские инвесторы могут обеспечивать строительные объекты своей собственной рабочей силой (тогда как местные обученные кадры просто отсутствуют), могут поставлять более простое, пригодное для неразвитой инфраструктуры и понятное для африканских рабочих оборудование (это всегда было конкурентным преимуществом, естественно, и большинства других ТНК из развивающихся стран [Березной 1986]).

Прямые инвестиции по линии Юг – Юг оказываются важным средством интеграции даже самых проблемных в экономическом плане стран в глобальные цепочки создания стоимости. В частности, наиболее трудоемкие стадии производства переносятся сейчас не столько из высокоразвитых регионов глобального Севера в новые индустриальные страны, сколько уже из последних в наименее развитые государства.

В то же время не стоит ожидать, что взаимодействие по линии Юг – Юг способно создать реальную альтернативу мирохозяйственным связям с участием стран глобального Севера, особенно в части иных идеологических подходов. Например, обвинение высокоразвитых стран в чрезмерном потреблении ресурсов (на уровне, не доступном даже теоретически всему населению Земли без наступления глобальной экологической катастрофы) не мешает наиболее успешным развивающимся государствам наращивать индустриальный потенциал в условиях сильно возрастающей антропогенной нагрузки на окружающую среду. Тогда как экологические новации в производстве идут в основном из стран глобального Севера (пусть и не так быстро, как хотелось бы).

Возможные пути углубления сотрудничества по линии Юг – Юг

### Возможные пути углубления сотрудничества по линии Юг – Юг

Резюмируя, можно говорить о том, что сотрудничество по линии Юг – Юг обычно далеко от идеалистических представлений о возможности развития кооперации нового типа, основанной на солидарности экономи-

чески менее развитых, поздно получивших политическую независимость стран. В лучшем случае, новые форматы взаимодействия по линии ЮГ – ЮГ основываются на применении наиболее успешных практик, выработанных в рамках существующих форматов сотрудничества по линии Север – Юг. Иногда удается также использовать какие-то уникальные возможности для торгового, инвестиционного и технологического взаимодействия, имеющиеся именно в странах глобального Юга. Однако нередко речь идет лишь о новом разделе рынков отсталых стран, к которому подключились наряду с ведущими странами самые успешные государства глобального Юга. Вместе с тем нельзя не согласиться и с той точкой зрения, что повышение значимости сотрудничества по линии ЮГ – ЮГ является лишь одним из важных элементов более фундаментального процесса смены существующего «западоцентричного» миропорядка [Stuenkel 2016].

В таких условиях, на наш взгляд, можно выделить несколько базовых подходов к пониманию перспективного сотрудничества по линии ЮГ – ЮГ:

1. взаимодействие по линии ЮГ – ЮГ не может быть полноценной альтернативой другим мирохозяйственным связям, так как страны глобального Севера доминируют во многих сферах и чаще все-таки предлагают взаимовыгодное сотрудничество развивающимся государствам, так что отгораживание от глобального Севера сродни автаркии;
2. контакты по линии ЮГ – ЮГ следует рассматривать прежде всего как способ развития форматов взаимодействия, отличных от доминирующих в современном миропорядке, установленном главным образом с учетом мнения не-

скольких ведущих экономических держав, поэтому корректнее, на наш взгляд, говорить о сотрудничестве по линии ЮГ – не-Запад, относя к последнему среднеразвитые страны, не способные выстроить союзнические отношения с США или ключевыми странами ЕС (например, Россию);

3. сотрудничество по линии ЮГ – ЮГ в силу нарастающей дифференциации развивающихся стран, по-разному преодолевающих с середины XX в. путь социально-экономической и общественно-политической модернизации, представлено множеством форматов, причем далеко не все из них благоприятны для большинства развивающихся стран (в том числе в сравнении с экономическими контактами по линии Север – ЮГ);
4. углубление сотрудничества по линии ЮГ – ЮГ идет благодаря реализации целей определенных групп интересов в соответствующих развивающихся странах, поэтому рекомендации по развитию перспективных внешнеэкономических контактов должны учитывать прежде всего внутривнутриполитические и социально-экономические реалии соответствующих государств.

Следует понимать, что иногда популярность диалога по линии ЮГ – ЮГ может быть вообще связана лишь с нежеланием местных режимов подвергаться давлению со стороны ведущих западных держав в части соблюдения прав человека и т.п. Показательна история интеграционных проектов в Латинской Америке, ставших заложниками политических и экономических экспериментов в отдельных странах-участниках [Яковлев 2017].

Высказанные соображения можно проиллюстрировать двумя примерами – развитием региональных интеграционных проектов с участием только стран глобального Юга и транснационализацией бизнеса развивающихся государств.

В случае интеграционных проектов с участием стран глобального Юга довольно бесперспективным оказывается полное копирование европейской модели, которая привела к построению Европейского союза (весьма успешного проекта даже при всех его нынешних проблемах). Уже не раз ученые показывали, что модель Б. Балаша [Balassa 1961] по движению от зоны свободной торговли через таможенный союз к общему рынку, экономическому и валютному союзу и, наконец, полной экономической интеграции не работает в развивающихся странах [Шишков 2001]. Это вызвано прежде всего тем, что сырьевая специализация большинства бывших колоний (а в случае успешного развития обрабатывающих отраслей – их ориентация на ведущие страны, где базируются ТНК, вынесшие производство в страны глобального Юга) обуславливает большую ориентацию развивающихся государств на торговлю с высокоразвитыми странами, а не с соседями. Модифицированные модели европейской интеграции, предполагающие менее жесткие форматы взаимодействия стран – участниц интеграционного проекта (подробнее см. [Зуев 2014]), также не подходят большинству развивающихся стран, так как в принципе структура их экономики редко является взаимодополняющей, способствующей созданию предпосылок для межотраслевой, а еще лучше – внутриотраслевой специализации.

Однако все это не означает, что путь к свободному движению товаров, услуг, трудовых ресурсов и капи-

тала закрыт для соседних стран глобального Юга. Ведь никто не доказал, что свобода передвижения людей, а не товаров не может быть базовой предпосылкой интеграционных проектов. Для бывших колониальных стран с изначально условными политическими границами, разделяющими множество этнических общностей, свобода трудовых миграций, на наш взгляд, может оказаться хорошей стартовой стадией региональной интеграции. Тем более что примеры успешного движения от единого трудового пространства к единому таможенному союзу в мире есть (достаточно вспомнить Союзное государство России и Белоруссии). Последовательность стадий региональной интеграции не предопределена европейским примером. Хорошо известно, что в странах глобального Юга многие десятилетия успешно функционируют упомянутые выше региональные валютные союзы, отчасти ставшие наследством колониального прошлого, где эффект от свободы торговли не столь впечатляющий – в Карибском бассейне, Западной и Центральной Африке. Например, в Организации восточнокарибских государств с 1982 г. функционирует единая валюта восточнокарибский доллар, при том что объем взаимной торговли стран-участниц составляет в текущем десятилетии меньше 15% их совокупного экспорта. Аналогичный показатель (12–13%) – в Западноафриканском экономическом и валютном союзе (до 1994 г. – валютном союзе), при том что франк КФА ВСЕСАО (западноафриканский франк) существует с 1945 г. (в колониальный период назывался франк КФА). Показатель торговой интеграции для стран Центральной Африки, десятилетиями использующих единую валюту франк КФА ВЕАС (центральноафриканский франк), еще ниже. Для сравнения: в

ЕС взаимная торговля составляет свыше 60% экспорта стран-участниц<sup>10</sup>.

Второй характерной иллюстрацией является развитие ТНК, базирующихся в развивающихся странах, особенно небольших. В отличие от появления китайских, бразильских или южноафриканских ТНК, процессы транснационализации в менее развитых странах глобального Юга с относительно узким внутренним рынком не могут идти по классическим моделям поэтапной интернационализации. Более того, возникающие в странах с невысоким уровнем экономического развития ТНК сразу оказываются под чрезмерным конкурентным давлением со стороны как западных ТНК, так и инвестирующих за рубежом компаний из других, ранее начавших транснационализацию бизнеса развивающихся государств.

Показательны примеры появления африканских ТНК, которые через несколько лет опять «сходят со сцены», замыкаясь на внутреннем рынке. Например, на рубеже первых двух десятилетий XXI в. зимбабвийская компания «Africa Sun» вошла в десятку крупнейших гостиничных сетей в Африке по величине прямых инвестиций за рубежом в строительство новых отелей [Bezuidenhout 2016]. Однако, обзаведясь в 2008 г. активами в ЮАР и Гане, а в 2010 г. в Нигерии, к 2015 г. зимбабвийская компания распродала все отели за рубежом (по-видимому, еще и по причине глубокого политико-экономического кризиса на родине). Немало примеров компаний, начинающих транснационализацию бизнеса из развивающихся стран, но впоследствии превращающихся в ТНК-мигранты, когда штаб-квартиры переносятся на территорию более комфортных государств

глобального Севера. Наглядным примером служит основанная в Южной Африке «Anglo-American», базирующаяся ныне в Великобритании.

В этой связи, на наш взгляд, наиболее продуктивным способом транснационализации местного бизнеса (а без появления собственных ТНК развивающиеся страны обречены на развитие «филиальной» экономики, всегда отстающей от экономики государств глобального Севера) является вступление в те или иные формы международных альянсов с ТНК других стран без потери независимости. Показательна история подъема машиностроительных ТНК из Китая или Бразилии – изначально в этих странах не было никаких предпосылок для возникновения собственных компаний-инвесторов за рубежом, но появление совместных предприятий с ведущими западными ТНК в сочетании с грамотной государственной политикой создало предпосылки для развития собственного мощного машиностроительного комплекса.

Возможно создание и межрегиональных ТНК в странах глобального Юга. Например, в Африке собственных значимых ТНК за пределами ЮАР и арабских государств почти нет. Среди немногих исключений – базирующая свой бизнес на добыче на родине богатых запасов углеводородов ангольская компания «Sonangol» и ведущий банк крупнейшей по численности населения африканской страны «First Bank of Nigeria», а также два тоголезских банка, возникших исключительно благодаря развитию региональной интеграции – «Ecobank» (ETI) и «Groupe Banque Atlantique».

Таким образом, перспективы углубления сотрудничества по линии

10 UNCTAD Handbook of Statistics (2016) // UNCTAD // [https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdstat41\\_en.pdf](https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/tdstat41_en.pdf), дата обращения 30.06.2019, pp. 22–23.

Юг – Юг, на наш взгляд, будут наиболее продуктивными, если развивающиеся страны будут искать нестандартные формы взаимодействия, отличные от основных моделей взаимодействия со странами глобального Севера (но не исключаяющими, а дополняющими такого рода контакты). В рамках такой политики возможно установление взаимовыгодных связей многих развивающихся стран с наиболее развитыми странами глобального Юга (причем не только с Китаем), равно как и «незападными» государствами, относимыми скорее к глобальному Северу. Особое значение, бесспорно будут играть столь важные для ускорения развития наименее успешных в экономическом плане государств инфраструктурные проекты, а также транспортные и телекоммуникационные связи (хорошо известно, что в немалой степени по этой причине многие страны глобального Юга по-прежнему лучше связаны не со своими соседями, а со странами глобального Севера). Тут нельзя игнорировать особую роль России, хотя для этого, бесспорно, требуется изменение характера внешнеэкономической политики в самой Российской Федерации.

## Список литературы

Березной А.В. (1986) Международные компании развивающихся стран: внешняя экспансия национально-го предпринимательского капитала. М.: Наука.

Брагина Е.А. (2017) Индия в контексте взаимоотношений Юг – Юг // Мировая экономика и международные отношения. Т. 61. № 2. С. 113–118 // [https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page\\_id=1248&file=https://imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02\\_2017/113-118Bragina.pdf](https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2017/113-118Bragina.pdf), дата обращения 30.06.2019.

Володин А.Г. (2003) Современные теории модернизации: кризис парадигмы // Политическая наука. № 2. С. 8–29 // <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennyye-teorii-modernizatsii-krizis-paradigmy>, дата обращения 30.06.2019.

Галищева Н.В. (2011) Современная внешнеэкономическая стратегия Индии: сотрудничество «Юг – Юг» // Вестник МГИМО Университета. № 5. С. 96–106 // <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennaya-vneshneekonomicheskaya-strategiya-indii-sotrudnichestvo-yug-yug>, дата обращения 30.06.2019.

Зуев В.Н. (2014) Методология классификации и оценки форм региональной интеграции // Евразийская экономическая интеграция. № 3. С. 25–43 // <https://cyberleninka.ru/article/v/metodologiya-klassifikatsii-i-otsenki-form-regionalnoy-integratsii>, дата обращения 30.06.2019.

Костюнина Г.М., Баронов В.И. (2018) Особенности региональных интеграционных соглашений с участием Китая в рамках модели Юг – Юг // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 18. № 3. С. 612–627 // <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-regionalnyh-integratsionnyh-soglasheniy-s-uchastiem-kitaya-v-ramkah-modeli-yug-yug>, дата обращения 30.06.2019.

Павлова Е.Б. (2017) Колониальное наследие как проблема и ресурс сотрудничества Юг – Юг: случай Бразилии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. Т. 17. № 1. С. 48–58 // <https://cyberleninka.ru/article/v/kolonialnoe-nasledie-kak-problema-i-resurs-sotrudnichestva-yug-yug-sluchay-brazilii>, дата обращения 30.06.2019.

Шишков Ю.В. (2001) Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М.: III тысячелетие.

- Эльянов А.Я. (2012) Глобализация и развитие // *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 3–15 // [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_18084983\\_36807687.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_18084983_36807687.pdf), дата обращения 30.06.2019.
- Яковлев П.П. (2017) Интеграция в Латинской Америке: центристские и центробежные тренды // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. № 4. С. 86–100. DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-86-100
- Amanor K.S. (2013) South-South Cooperation in Africa: Historical, Geopolitical and Political Economy Dimensions of International Development // *IDS Bulletin*, vol. 44, no 4, pp. 20–30. DOI: 10.1111/1759-5436.12039
- Balassa B. (1961) Towards a Theory of Economic Integration // *Kyklos*, vol. 14, no 1, pp. 1–17. DOI: 10.1111/j.1467-6435-1961.tb02365.x
- Bezuidenhout H. (2016) The Dimensions of FDI in the Tourism Sector in Africa // *The Journal of Applied Business Research*, vol. 32, no 4, pp. 1115–1136. DOI: 10.19030/jabr.v32i4.9724
- Chaturvedi S. (2016) The Development Compact: A Theoretical Construct for South-South Cooperation // *International Studies*, vol. 53, no 1, pp. 15–43. DOI: 10.1177/0020881717705927
- Cheru F. (2016) Emerging Southern Powers and New Forms of South-South Cooperation: Ethiopia's Strategic Engagement with China and India // *Third World Quarterly*, vol. 37, no 4, pp. 592–610. DOI: 10.1080/01436597.2015.1116368
- Forging a Path Beyond Borders: The Global South (2018) // UNCTAD, Geneva: United Nations.
- Gray K., Gills B.K. (2016) South-South Cooperation and the Rise of the Global South // *Third World Quarterly*, vol. 37, no 4, pp. 557–574. DOI: 10.1080/01436597.2015.1128817
- Jules T.D., de Sá e Silva M.M. (2008) How Different Disciplines Have Approached South-South Cooperation and Transfer // *Society for International Education Journal*, vol. 5, no 1, pp. 45–64 // [http://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1109&context=education\\_facpubs](http://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1109&context=education_facpubs), дата обращения 30.06.2019.
- Modi R. (ed.) (2011) South-South Cooperation: Africa on the Central Stage, London: Palgrave MacMillan.
- Muhr T. (2016) Beyond 'BRICS': Ten Theses on South-South Cooperation in the Twenty-first Century // *Third World Quarterly*, vol. 37, no 4, pp. 630–648. DOI: 10.1080/01436597.2015.1108161
- Nayyar D. (2006) Globalisation, History and Development: A Tale of Two Centuries // *Cambridge Journal of Economics*, vol. 30, no 1, pp. 137–159. DOI: 10.1093/cje/bei090
- Renzio P. de, Seifert J. (2014) South-South Cooperation and the Future of Development Assistance: Mapping Actors and Options // *Third World Quarterly*, vol. 35, no 10, pp. 1860–1875. DOI: 10.1080/01436597.2014.971603
- Sternberg T. (2012) Chinese Drought, Bread and the Arab Spring // *Applied Geography*, vol. 34, pp. 519–524. DOI: 10.1016/j.apgeog.2012.02.004
- Stuenkel O. (2016) Post-Western World: How Emerging Powers Are Remaking Global Order, Cambridge: Polity Press.
- Vieira M.A., Alden Ch. (2011) India, Brazil, and South Africa (IBSA): South-South Cooperation and the Paradox of Regional Leadership // *Global Governance*, vol. 17, no 4, pp. 507–528 // <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/glogo17&div=42&id=&page=>, дата обращения 30.06.2019.



DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46

# Concepts of South-South Economic Cooperation

**Alexey V. KUZNETSOV**

Corresponding member RAS, DSc in Economy, Acting Director

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS (INION RAN), 117997,

Nachimovskiy Av., 51/21, Moscow, Russian Federation

E-mail: kuznetsov\_alexei@mail.ru

ORCID: 0000-0001-5172-9924

**CITATION:** Kuznetsov A.V. (2019) Concepts of South-South Economic Cooperation. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 12, no 3, pp. 30–46 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2019-12-3-30-46

Received: 31.07.2019.

**ACKNOWLEDGEMENTS:** The article is prepared at Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations under the grant of the Russian Science Foundation 17-78-20216 «The aggravation of competition between Russian and Chinese companies in Africa: preconditions, current status and prospects».

**ABSTRACT.** *The paper traces the evolution of conceptual approaches to South-South economic cooperation. It is shown that with the collapse of the bipolar system and the rise of globalization the interest in South-South cooperation have risen again, and compared to the 1950–1970-ies focuses more on economic relations of developing countries. At the same time, the article shows that the deepening differentiation of the countries of the global South allows us to consider the South-South dialogue as ambiguous process. According to the author, this is a set of relations of very different level of interaction between developing countries, which are part of a more fundamental process of transformation of the existing “West-centric” world order. The paper identifies four such levels, characterized by very different opportunities for participating in economic ties between developing countries: relations of major countries of the South with each other (especially in BRICS and IBSA groups); the interaction of the largest coun-*

*tries with other developing countries (most known for the cooperation in the framework of “One belt, one road” Chinese initiative); intensive contacts of countries of the global South due to the objectively existing neighborhood effect (the most famous integration groupings are ASEAN in Southeast Asia and MERCOSUR in Latin America); and cross-border ties of small developing countries geographically distant from each other. The paper concludes that South-South cooperation cannot be a full-fledged alternative to other global economic ties. Indeed, countries of the global North dominate in many areas and more often still offer mutually beneficial cooperation to developing countries, so that isolation from the global North is akin to autarky. South-South cooperation should be viewed primarily as a way to develop additional forms of interaction different from that dominant in the contemporary world, prescribed mainly taking into account the views of several leading economic powers. Thus, it is correct to speak of*

*South- non-West cooperation, referring to rather developed countries that are not able to build relations with the US and key EU countries (e.g. Russia).*

**KEY WORDS:** *international economic relations, South-South cooperation, system of world economy, newly liberated countries, non-Western world, BRICS*

## References

- Amanor K.S. (2013) South-South Cooperation in Africa: Historical, Geopolitical and Political Economy Dimensions of International Development. *IDS Bulletin*, vol. 44, no 4, pp. 20–30. DOI: 10.1111/1759-5436.12039
- Balassa B. (1961) Towards a Theory of Economic Integration. *Kyklos*, vol. 14, no 1, pp. 1–17. DOI: 10.1111/j.1467-6435-1961.tb02365.x
- Bereznoy A.V. (1986) *International Companies from Developing Countries: Foreign Expansion of National Entrepreneurial Capital*, Moscow: Nauka (in Russian).
- Bezuidenhout H. (2016) The Dimensions of FDI in the Tourism Sector in Africa. *The Journal of Applied Business Research*, vol. 32, no 4, pp. 1115–1136. DOI: 10.19030/jabr.v32i4.9724
- Bragina E.A. (2017) India in the Context of South-South Interrelations. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no 2, pp. 113–118. Available at: [https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page\\_id=1248&file=https://imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02\\_2017/113-118Bragina.pdf](https://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=1248&file=https://imemo.ru/files/File/magazines/meimo/02_2017/113-118Bragina.pdf), accessed 30.06.2019 (in Russian).
- Chaturvedi S (2016) The Development Compact: A Theoretical Construct for South-South Cooperation. *International Studies*, vol. 53, no 1, pp. 15–43. DOI: 10.1177/0020881717705927
- Cheru F. (2016) Emerging Southern Powers and New Forms of South-South Cooperation: Ethiopia's Strategic Engagement with China and India. *Third World Quarterly*, vol. 37, no 4, pp. 592–610. DOI: 10.1080/01436597.2015.1116368
- Elyanov A.Ya. (2012) Globalization and Development. *World Economy and International Relations*, no 11, pp. 3–15. Available at: [https://elibrary.ru/download/elibrary\\_18084983\\_36807687.pdf](https://elibrary.ru/download/elibrary_18084983_36807687.pdf), accessed 30.06.2019 (in Russian).
- Forging a Path Beyond Borders: The Global South (2018). UNCTAD, Geneva: United Nations.
- Galishcheva N.V. (2011) Contemporary Foreign Economic Strategy of India: South-South Cooperation. *MGIMO Review of International Relations*, no 5, pp. 96–106. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennaya-vneshneekonomicheskaya-strategiya-indii-sotrudnichestvo-yug-yug>, accessed 30.06.2019 (in Russian).
- Gray K., Gills B.K. (2016) South-South Cooperation and the Rise of the Global South. *Third World Quarterly*, vol. 37, no 4, pp. 557–574. DOI: 10.1080/01436597.2015.1128817
- Jules T.D., de Sá e Silva M.M. (2008) How Different Disciplines Have Approached South-South Cooperation and Transfer. *Society for International Education Journal*, vol. 5, no 1, pp. 45–64. Available at: [http://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1109&context=education\\_facpubs](http://ecommons.luc.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1109&context=education_facpubs), accessed 30.06.2019.
- Kostyunina G.M., Baronov V.I. (2018) Specifics of Regional Integration Agreements with Participation of China within the South-South Model. *Vestnik RUDN: International Relations*, vol. 18, no 3, pp. 612–627. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/osobennosti-regionalnyh-integratsionnyh-soglasheniy-s-uchastiem-kitaya-v-ramkah-modeli-yug-yug>, accessed 30.06.2019 (in Russian).
- Modi R. (ed.) (2011) *South-South Cooperation: Africa on the Central Stage*, London: Palgrave MacMillan.

Muhr T. (2016) Beyond 'BRICS': Ten Theses on South-South Cooperation in the Twenty-first Century. *Third World Quarterly*, vol. 37, no 4, pp. 630–648. DOI: 10.1080/01436597.2015.1108161

Nayyar D. (2006) Globalisation, History and Development: A Tale of Two Centuries. *Cambridge Journal of Economics*, vol. 30, no 1, pp. 137–159. DOI: 10.1093/cje/bei090

Pavlova E.B. (2017) Colonial Heritage as Problem and Resource for South-South Cooperation: A Case of Brazil. *Vestnik RUDN: International Relations*, vol. 17, no 1, pp. 48–58. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/kolonialnoe-nasledie-kak-problema-i-resurs-sotrudnichestva-yug-yug-sluchay-brazilii>, accessed 30.06.2019 (in Russian).

Renzio P. de, Seifert J. (2014) South-South Cooperation and the Future of Development Assistance: Mapping Actors and Options. *Third World Quarterly*, vol. 35, no 10, pp. 1860–1875. DOI: 10.1080/01436597.2014.971603

Shishkov Yu.V. (2001) *Integration Processes on the Eve of the 21<sup>st</sup> Century. Why are CIS Countries Not Integrating*, Moscow: 3<sup>rd</sup> tisyacheletie (in Russian).

Sternberg T. (2012) Chinese Drought, Bread and the Arab Spring. *Applied Geography*, vol. 34, pp. 519–524. DOI: 10.1016/j.apgeog.2012.02.004

Stuenkel O. (2016) *Post-Western World: How Emerging Powers Are Remaking Global Order*, Cambridge: Polity Press.

Vieira M.A., Alden Ch. (2011) India, Brazil, and South Africa (IBSA): South-South Cooperation and the Paradox of Regional Leadership. *Global Governance*, vol. 17, no 4, pp. 507–528. Available at: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?handle=hein.journals/glogo17&div=42&id=&page=>, accessed 30.06.2019.

Volodin A.G. (2003) Contemporary Theories of Modernization: Crisis of the Paradigm. *Political Science*, no 2, pp. 8–29. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennye-teorii-modernizatsii-krizis-paradigmy>, accessed 30.06.2019 (in Russian).

Yakovlev P.P. (2017) Integration in Latin America: Centripetal and Centrifugal Trends. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no 4, pp. 86–100 (in Russian). DOI: 10.23932/2542-0240-2017-10-4-86-100

Zuev V.N. (2014) Methodology of Classification and Estimates of Regional Integration Forms. *Eurasian Economic Integration*, no 3, pp. 25–43. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/metodologiya-klassifikatsii-i-otsenki-form-regionalnoy-integratsii>, accessed 30.06.2019 (in Russian).